

НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ КОМЕДИИ

ИСКУССТВО
НАШИХ ДРУЗЕЙ

В ДЕТСТВЕ, в юности, а если жизнь не согнет, то и всю жизнь мы тем или иным способом даем понять, что не любим поучений. Отшучиваемся, огрызаемся, переходим в контратаку:

— Только, пожалуйста, не читайте морали!

Это мы говорим искренне. Но краем уха все-таки прислушиваемся: а что, собственно, за мораль? Какого рода поучение? Не то ли это самое, что мы ищем?

Ибо и в детстве, и в юности, и всю жизнь несем мы в себе вопрос: а как надо?

За делом, за бездельем, на людях и в одиночестве этот вопрос всегда тут, как пульсирующая кровь.

В общем, опыт показывает, что мы ругаем за морализаторство, за навязчивую поучительность (еще есть слово — за дидактизм) только тех собеседников и те произведения, чья мораль и чьи поучения нам не пригодились. Не совпали с нашей потребностью в морали и в поучении.

В эти дни в Кремлевском театре прошли три пьесы, из которых одна — сказка с моралью, другая принадлежит драматургу, называвшему все свои пьесы дидактическими, а третья представляет собой разыгранное в лицах поучение одному из действующих лиц. Его там хорошенько прочитали.

Пьесы привез в Москву из Румынии существующий в Бухаресте с 1961 года театр комедии под руководством Раду Беллигана. Это — «Тень» Евгения Шварца, «Швейк во второй мировой войне» Бертольта Брехта и «Моя подруга Пикс» румынского автора В. Галана.

У одного молодого симпатичного ученого (его так и зовут — Ученый) была тень. В силу благоприятного для тени стечения обстоятельств она вышла в люди. Тень, она плоская и в человеческом облике не знает, чем ей заняться. То есть вначале знает, потому что вначале она метит Ученому за то, что когда-то была его тенью.

Для этой мети и сопутствующей ей интриги нужно много всяких качеств, но не нужно ничего человеческого. А потом, потерпев поражение, — для чего от Ученого потребовалось последовательное и действительное сознание своей человечности, — потерпев поражение, тень исчезает, чтобы «еще не раз встать у меня на пути», — говорит Ученый.

— Все понятно. Я задремал. Я вижу сон.

— Нет, это не сон. Это такая сказка.

По указанию Шварца, эти слова говорит Ученому девушка в маске, неизвестно каким образом очутившаяся в кресле посреди комнаты. В румынской постановке режиссера Давида Эрига девушка без всякой маски и сопровождающие ее лица выходят на сцену совершенно открыто из одной кулисы и уходят в другую. Да еще с хихиканьем, как будто это карнавальная разыгрыш. Как начинаются сказки? Торжественно, певуче: «В некотором царстве, в некотором государстве...». А

румыны начали и сыграли «Тень», как будто и не замечая, что это сказка, без всякой значительности, «своими словами», как если бы это была национальная сатира их классика Караджале или бойкая комедия в современных костюмах (хотя костюмы, сделанные художником И. Попеску-Удриште, если и современные, то не в бытовом смысле, а наиболее отчетливо обрисованные персонажи выведены, можно сказать, и новсе без костюмов: обтянутые по фигуре в яркие трико, они все равно что голые, зато раскрашенные — это настолько точно по Шварцу, что и ска-

ТЕАТР

зывать нельзя). У румынских актеров была одна цель: как можно нагляднее представить абсолютно разоблаченных персонажей без каких бы то ни было масок. Ну и правильно. А то есть такие просвещенные ценители Шварца, которые читают его, как чеховский «Умный дворник» читает книгу «Разведение кореньев». Пужна ли нам брюкка», — степенно вздыхают и значительно покачивают головой: «Умудрит же господи!» — и, не умея оценить прозрачную поэтическую простоту Шварца («Сказка раскрывается не для того, чтобы скрыть, а для того, чтобы открыть», — писал он), предполагают в нем не доступные профанам «символы и эмблемы».

Румынским исполнителям «Тени» прощается, что они не вполне передают своим профессиональными приемами стиль Шварца — прощаешь легче, чем ленинградскому спектаклю Н. П. Акимова и недавней московской постановке Эраста Гарина. Потому что, сколько я ни смотрел «Тень» на разных сценах, ни разу не было, чтобы зрители так живо и осмысленно реагировали на все «моральные» эпизоды и реплики, чтобы так много и так к месту смеялись и так дружно аплодировали. Хотя текст пьесы передавался в переводе через наушники, да еще с заминками, здесь я (постоянный посетитель всех шварцеских спектаклей) впервые увидел, как слушают Шварца.

А его стоит послушать: — Зачем им воскрешать хорошего человека?

— Чтобы плохой мог жить. Ученый проживет и без тени (в крайнем случае у него вырастет новая тень, на юге все так быстро растет), а Тень сама по себе прожить не может. В этом торжество человека, но в этом и опасность.

Вот вам целое царство тени. Пьеса Брехта: гитлеровская Германия и искорененная ею Европа. Перед нею (Европой) — колючая проволока и караул. Над нею — маленькая фигурка с огромной, вылепленной из папье-маше головой: Гитлер — актер в маске. Так же выглядят Геринг, Геббельс и Гиммлер. Это опять «не для того, чтобы скрыть, а для того, чтобы раскрыть» — для наглядности. «Высшие сферы» — яв-

ляют гестаповцы-ведущие (они же и караулящие), и страшные хари начинают грохотать над миром, состоящим из маленьких людей, простых людей, трактира «У чаши» и Швейка в этом трактире. Над сферами низшими.

Маленький человек. Что же дальше?

Кому что. Балуну, например (это фотограф, приятель Швейка), необходимо съест как можно скорее порцию гуляша, иначе он вступит с голода добровольцем в немецкую армию. Он готов объяснить всем и каждому, что без мяса у него нет сил оставаться порядочным человеком.

Потому что он маленький. Но он и человек. Поэтому в немецкую армию он все же не вступит. Швейк за этим проследит.

«Швейк во второй мировой войне» — пьеса не просто и не только антигитлеровская. Это лишь ее побочное качество. Ее назидательность вообще не в «анти», а в «за». В сухой, четкой манере, очень разборчивым почерком Брехт излагает аргументы в пользу следующего мнения: пока в «низших сферах» маленькие люди будут помнить о том, что они люди, «высшие сферы», как бы они ни грохотали и как бы ни неистовствовали, ничего с людьми поделать не смогут. Тут же Брехт учит, как поддерживать в себе и других человека.

Под руководством режиссера Мучнана Диуреску наши румынские гости именно это и сыграли. Хотя кое в чем почерк Брехта показался им, по-видимому, уж чересчур строгим, и они приделали к некоторым буквам каллиграфические завиточки, вроде походов Швейка (прекрасный актер Флорин Скарлатеску), когда он разыгрывает идиота.

Третья пьеса, «Моя подруга Пикс», тоже излагает поучение: напрасно некоторые отцы думают, что их сыновья так же непорочны, как они сами; напротив, когда юный Пауль говорит своему отцу, что симпатичная девочка Михаила Пикс — это всего лишь его друг детства, то он говорит правду, и отец только оскорбляет его чистые чувства, давая ему деньги и совет «заплатить этой девочке и отделаться от нее». Такого отца сын уважать не может.

Эта пьеса публике не понравилась. Хотя она была единственной из трех, где моральная проблематика была разбавлена пикантным сюжетным материалом: ночью развратная любовница отца заглядывает в свой дом чистого и невинного сына и... сами понимаете.

В одной газете рецензент вывернулся так: из всего этого спектакля он похвалил (вполне справедливо) второстепенную комическую фигуру культорга, который бюрократ и ханжа и которого отлично играет Костел Константеску. Там и ограничился. Последуюем его примеру.

Тем более, что из этого тоже можно извлечь некоторую мораль.

А. АСАРНАН.